

ПОПЫТКИ СОЗДАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ АВТОКЕФАЛЬНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1920-ые –1940-ые гг.)

И.И. Янушевич, А.Л. Ленкевич (БГУ)

С падением самодержавия в 1917 г. на первое место в общественно-политической жизни Беларуси выдвинулся вопрос практического создания белорусской национальной государственности, либо в форме суверенного, независимого от других республик государства, либо белорусского государства в составе федерации равноправных национальных республик [1, с. 140]. Суверенное государство в тех условиях, по мнению некоторых политических деятелей, требовало и создания национальной церкви, как важного фактора духовно-нравственного и культурного развития общества. Однако оформление белорусской государственности произошло в рамках социалистического строя, провозгласившего лозунг полной ликвидации религии и церкви. Советская власть привнесла на наши земли политику «попоедства» и «богоборства».

Гонения большевиков на религию пытался использовать во время оккупации Ю. Пилсудский. При своем посещении Минска он провел встречу с епископом Мелхиседеком. Возможно, шла речь об автокефалии белорусской и польской православных церквей.

Правительство БНР 27 января 1921 г. обратилось к патриарху Тихону с просьбой о введении белорусского языка в дополнительном богослужении, издании религиозной литературы на белорусском языке и замещении епископских кафедр епископами-белорусами. Священный Синод постановил разрешить преосвященным белорусских епархий употребление белорусского языка в так называемом дополнительном богослужении, а так же предложили приступить к изданию на белорусском языке проповедей, молитвенников и Нового Завета [2, с. 116-117]. Замещении кафедр исключительно священнослужителями владеющими белорусским языком, по мнению патриарха, вынудит сместить многих клириков добросовестно служащих делу православия в Беларуси.

Антицерковная атака большевиков в 1918 г. – первой половине 1920 г. носила

ярко выраженный репрессивный характер. Прифронтовая зона, частая смена режимов, боевые действия накладывали на действия солдат всех армий отпечаток особой бестактности и бесцеремонности по отношению и к народу Беларуси, и к ее святыням. Не смотря на яростную антиправославную атаку, Церковь практически полностью сохраняла свою организационную структуру и представляла собой для властей опасного политического противника. В дополнение к административному давлению и атеистической деятельности компетентными органами проводится ряд мероприятий с целью подчинить ее своим указаниям посредством стимулирования раскола и передачи управления в руки лояльного духовенства. Непоколебимый патриарх Тихон был арестован. Просоветски настроенная группа духовенства, выступавшая под лозунгом обновления церкви и получившая за это свое название – обновленцы, захватила церковную власть и создала Высшее церковное управление (ВЦУ).

ВЦУ жестоко расправлялось с не желающими признавать их епископами. На кафедры староцерковников ставились обновленцы. К июлю 1922 г. из 73 епархий только в 36 архиереи остались верными Тихону. В июне 1922 г. епископ Минский и Туровский Мелхиседек также признал обновленческое ВЦУ. Мелхиседек еще в конце мая был вызван в ГПУ, где с ним была проведена соответствующая беседа, после которой Секретарь ЦК КП(б)Б В. Багуцкий в письме И. Сталину сделал вывод: «Мы полагаем, что Мелхиседека при умелом подходе можно использовать в борьбе с реакционным духовенством. Минские попы, где еще до войны велась большая война с католической церковью, подбирались более развитые и черносотенные люди. В данное время, находясь на рубеже Республики, они все еще предполагают возможность конфликта и нашего ухода из Белоруссии, а потому сразу трудно их втянуть в борьбу» [3, с. 231].

Мелхиседек внешне очень умело и дипломатично поддерживал связь и с ВЦУ, и с властями. В том же письме Богуцкий указывал: «Поскольку Мелхиседек остается в Белоруссии... у нас нет никакой надобности составлять другой группы православного духовенства» [3, с. 232] Группа белорусских священнослужителей и общественных деятелей, в числе которых были протоиереи Ст. Кульчикий и

В. Бируля, Якуб Колос, профессор А. Савич и др., ставили вопрос об автономии Белорусской православной церкви. В подписанном ими послании от 17 июня 1922 г. говорилось: «Рост народного самосознания, которое определилось в акте провозглашения Белорусской Советской Республики, должен был рано или поздно отзваться последствиями в области церковной жизни. Белорусская церковь должна быть признана управляющей в своей внутренней жизни на основах автономии согласно церковных правил и канонов» [4, с. 51]. Мелхиседек, не придавая особого значения данному вопросу, основываясь на письмах патриарха Тихона и его временного местоблюстителя митрополита Агафангела, повел линию на автономию Белорусской Православной Церкви.

Автономия позволяла по церковным законам избежать подчинения Москве, а на тот момент ВЦУ, и напрямую связываться с Вселенским Патриархом в Константинополе. 10 июля 1922 г. в Минском Кафедральном было объявлено о провозглашении автономии Белорусской церкви. Создавалась Белорусская митрополия на территории БССР. Епископ Мелхиседек назван митрополитом Минским и Белорусским. На территории республики создавались Минская, Мозырьская, Бобруйская и Слуцкая епархии. О провозглашении Белорусской Автономной Церкви сразу же было проинформировано руководство страны. Мелхиседек в своем заявлении на имя Председателя СНК писал: «Считаю необходимым коротко определить и те основные принципы, что ложатся в основу церковной жизни Беларуси. Признавая справедливость социальной революции и сохраняя полную лояльность в отношении к властям, Церковь не может и не должна вмешиваться в чужую для нее политическую зону и становиться в какой бы то ни было мере ареной политической борьбы. Исходя из христианского учения о равенстве и братстве всех людей, Церковь не может ставить чьих-либо личных интересов выше интересов широких народных масс и не может сочувствовать угнетению или эксплуатации ни в каких областях жизни» [5, с. 45]. Таким образом, заявляя о поддержке большевиков, Мелхиседек старался избежать позорных и пагубных для Православной Церкви контактов с обновленцами.

Политическое руководство республики нейтрально отнеслось к созданию

Автономной Церкви, восприняв это как очередной раскол. Любой разброд в религиозных организациях приветствовался. Однако Мелхиседек повел линию на укрепление и систематизацию деятельности в своих епархиях, а со временем предал анафеме обновленцев и покаялся за отпадение от Матери-церкви перед патриархом Тихоном. После таких действий против митрополита и его сторонников были предприняты жесткие превентивные меры. Мелхиседек был осужден и отправлен в ссылку, на священнослужителей и прихожан оказывали давление государственные органы. Все это в сочетании с развязной, развратной деятельностью обновленцев и трудностями в общении с руководством Московской патриархии способствовало тому, что у части православных клириков и мирян все отчетливее просматривалась идея церковной автономии. Все дело в том, что в 1927 г., после ареста в Москве 113 из 167 епископов РПЦ и угрозы большевиков расстрелять их, митрополит Сергий вынужден был высказаться в поддержку Советской власти и согласиться на то, что назначение духовенства будет проходить только после согласования с партийными и государственными органами [5, с. 116]. Многие православные клирики не согласились с такой «прекрасной» позицией Сергия и открыто выступили против грубых вмешательств государства в жизнь Церкви. Была еще одна группа священнослужителей и иерархов, которая внешне лояльно отнеслась к подобным нововведениям, но на сотрудничество со сторонниками Сергия не соглашалась, а новые назначения всячески задерживала. Таким образом в некотором смысле повторилась ситуация 1922 г., когда РПЦ была разделена на тихоновцев и обновленцев. Теперь в Беларуси было три течения Православной Церкви: обновленцы, сергиевцы и мелхиседековцы [7. Ф. 2786, оп. 1, д. 339, л. 11]. Последователи Мелхиседека – епископ Бобруйский Филарет, протопресвитер В. Ачеповский, протоиереи А. Киркевич, С. Кульчицкий и др., желая в первую очередь дистанцироваться от «красного митрополита» Сергия, 10 августа 1927 г. на съезде православного клира и верующих заявили о провозглашении Белорусской Автокефальной Церкви.

Такой поворот событий был неприемлемым властям по многим причинам. Во-первых, мелхиседековцев труднее было контролировать и сложнее влиять на них

через высшее церковное руководство. Назначения новых священнослужителей должно было проходить из числа поддерживающих идею автокефалии, а значит из местного духовенства. Это, в свою очередь, усиливало позиции нацдемов, православной интеллигенции и верующих масс на волне проводимой в республике белорусизации. Сочетание «открытой антисоветской агитации духовенства» [8] с национальными взглядами «истинно белорусской» творческой интеллигенции (Купала, Горецкий, Колос) [9, ф. 4, оп. 21, д. 42, л. 105] создавало в таких условиях непосредственную угрозу для идеологической надстройки существующего режима. Мелхиседековских приходов насчитывалось более четырехсот из действовавших в 1929 г. 1013. Канонического утверждения Белорусской Автокефальной Церкви не произошло из-за того, что Константинопольский патриархат поддерживал связи только с обновленцами. И вторая попытка возрождения православной церкви посредством объявления ее автономии, из-за усилившимся репрессий на религиозные организации, не имела успеха.

Особенно выделяется период нахождения белорусских земель в составе II Речи Посполитой. Польское правительство жестко регулировало религиозную жизнь. Православная церковь оказалась в весьма затруднительном положении. В начале 1920-х гг. в Польше проживало от 3,5 до 5 миллионов православных. Под давлением властей в 1922 г. была объявлена автокефалия Православной Церкви, создавались условия для полного подчинения православных клириков установкам политического руководства. Несогласные с проводимыми мероприятиями иерархи и священнослужители отстранялись от работы, подвергались арестам, высыпались в центральные районы. Многие вынуждены были покинуть страну. 13 ноября 1924 г. патриарх Константинополя дал благословение на автокефалию Польской Церкви, а в следующем году был выслан соответствующий томос. Автокефалия Польской Церкви была признана всеми православными церквями, кроме Русской. Церковь была разделена на 5 епархий – Варшавско-Холмскую, Волынскую, Гродненскую, Виленскую и Полесскую. С середины 1930-х гг. впервые в истории в православных храмах молебны начали проводиться на польском языке. Вскоре все епископские кафедры были заняты людьми, готовыми сотрудничать с властями. 12 апреля 1924 г.,

вслед за Константинопольской патриархией, в Польской Церкви был принят новый календарь – так называемый новоюлианский. Нововведение активно помогали осуществлять польские чиновники, но многие священники и народ был против календарной реформы. Агрессивную атаку властей на православных поддерживали консервативные католические круги. Особенно ярко это проявилось в борьбе за храмы. По инициативе ксендзов в 1930 г. были возбуждены дела о ревендиции 500 православных храмов. 300 из них перешли к католикам. Многие богослужебные здания захватывались католиками самовольно, а государственные органы никак не реагировали на факты грубого нарушения законодательства. Отобрание православных храмов не носило характера государственной необходимости. Многие из них не использовались по прямому назначению или обслуживали незначительное количество прихожан, в то время как православные были лишены возможности удовлетворения своих религиозных чувств.

Религиозная жизнь в период фашистской оккупации на территории Беларуси активизировалась. Немецкие войска застали картину почти полного уничтожения Православной Церкви. Через четыре месяца после оккупации Беларуси немцы открыли 7 церквей. За первый год оккупации в Минской епархии, из бывших там до революции 400 приходов, было вновь открыто 120 [11, с. 211]. Оккупационные власти не разрешили открыть две имевшиеся раньше в Минске семинарии. Вместо них были открыты краткосрочные пастырские курсы и каждые несколько месяцев, по окончании курса обучения, рукополагалось от 20 до 30 священников, дьяконов и чтецов. Гитлеровцы пытались таким образом завоевать симпатии населения. В тоже время следует отметить, что все религиозные организации действовали в полной зависимости от оккупационных властей и должны были решать навязываемые им задачи. Предпринимая нападение на СССР, фашисты рассчитывали активно использовать религиозный фактор в своих целях. В системе Главного управления имперской безопасности имелся специальный «церковный отдел». В его задачи входили контроль и наблюдение за деятельностью религиозных организаций всех конфессий, изучение настроений духовенства и активных прихожан, внедрение агентуры в церковные административно-управленческие структуры и вербовка

агентов из среды священнослужителей. Он также обеспечивал продвижение «своих» людей на различные иерархические должности, в церковные и общественные фонды. Немецким руководством поддерживалось любое стремление к дроблению и противостоянию религиозных организаций на прежних советских территориях.

Экзарх западных областей Украины и Белоруссии Николай (Ярушевич) находился в Москве. В марте 1942 г. собор белорусских епископов избрал епископа Пантелеймона митрополитом Беларуси. Открывались шесть епархий – Витебская, Гродненская, Минская, Могилевская, Новогрудская и Смоленская [10, с. 274]. Согласно выдвинутым властями требованиям Православная Церковь в Беларуси должна называться «Белорусская Автокефальная Православная Национальная Церковь». Проповедь, обучение Закону Божию и церковное делопроизводство должны были вестись на белорусском языке, а богослужения совершаться на церковно-славянском языке. Назначение же епископов, благочинных и священников могло производиться с ведома немецкой власти.

Националистические деятели, прибывшие с оккупационными войсками, пытались поставить Белорусскую Церковь под свой контроль, но Церковь, в особенности ее епископы, упорно сопротивлялась всем попыткам оторвать ее от Московской патриархии. Пантелеймон, вопреки желанию националистов и немецких властей, не провозгласил Белорусскую церковь автокефальной. Он отказывался проповедовать по-белорусски на том основании, что языком городского населения считал русский. На богослужениях продолжало возноситься имя митрополита Сергия. По настоянию националистов оккупационные власти заключили Пантелеймона в монастырь и передали управление Церковью его помощнику, архиепископу Филофею (Нарко), который вначале тоже противился всяким нововведениям на том основании, что он не имеет права принимать решения без ведома митрополита. Получив от Пантелеймона письменное разрешение, Филофей созвал 30 августа 1942 г. белорусский церковный Собор.

Националисты приложили все усилия, чтобы склонить Собор на свою сторону. В постановления Собора было включено заявление об автокефалии Белорусской Церкви. Однако провозглашения автокефалии фактически не произошло по причине

того, что в уставе было записано: «Каноническое объявление автокефалии последует после признания ее всеми автокефальными православными церквями» [12, с. 219]. 2 сентября 1942 года Собор принял обращение к Константинопольскому патриарху и другим патриархам восточных церквей с просьбой признать Белорусскую Православную Церковь автокефальной. Послания автокефальным церквам были составлены, переведены и переданы германским властям для пересылки с большой задержкой и не были отправлены по адресу. Между тем белорусские епископы продолжали упорно сопротивляться белорусизации Церкви. Автокефалия никогда не упоминалась ни в церковных документах, ни в церковной печати.

В мае 1944 г. Собор белорусских епископов объявил постановления Собора 1942 г. недействительными на том основании, что на нем отсутствовали два старших белорусских епископа, которые не были допущены на собор оккупационными властями. Оценку деятельности неканонической БАПЦ, как и православных миссий на оккупированных территориях России и Украины, дала Московская патриархия во главе с патриархом Сергием. БАПЦ не была признана канонической, а ее деятельность справедливо осуждена. Несмотря на намерения некоторых архиереев хоть таким образом обеспечить религиозные потребности верующих, их политический выбор был антинародным. Очевидно, что провозглашение автокефалии в 1942 г. качественно отличается от аналогичных попыток 1922 г. и 1927 г., являвшихся способом сохранения Церкви в условиях кризиса в управлении Матерь-церковью, а не каждой властованием и политической конъюнктурой. Клирики пытались спасти Церковь от разрушения, в первую очередь канонического. Во всех трех случаях важную роль играла интеллигенция. Однако если в 20-е гг. националисты были вдохновителями автокефалии, то в 1942 г. – надзирателями – еще почище идеологов Генерального комиссариата.

В 1944 г., с возвращением советских войск, провозглашенная автокефалия была ликвидирована. Белорусские автокефалисты обосновались на Западе. Епископы, эмигрировавшие в конце 1944 г. в Германию, присоединились к Карловацкому синоду, который после окончания войны был восстановлен в Мюнхене. В эмиграции иерархия БАПЦ влилась в состав РПЦЗ, так как прекрасно знали, что навязанная

насилию автокефалия 1942 г. не канонична. Однако эта идея не оставляла некоторых эмигрантов, понимающих, что для сохранения национальной идентичности, солидарности необходимо наличие и церковной структуры. 5 июня 1948 г. в Германии был создан новый собор, восстановивший автокефалию Белорусской Церкви, не признанную ни одной Поместной Православной Церковью до нынешнего времени [13].

Литература:

1. Беларуская думка. – № 1. – 2001.
2. Спадчына. – 1997. – № 2
3. Архивы Кремля. Политбюро и церковь 1922-1925 гг. – М., 1997.
4. Праваслаўе ў Беларусі і ў свеце. – 1993. – №1.
5. Процька Т. Пакутнік за Веру і Бацькаўшчыну: Мітрапаліт Мельхісэдэк. – Мн., 1996.
6. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. – М., 1996.
7. Национальный исторический архив Беларуси.
8. Архив КГБ РБ.
9. Национальный архив Республики Беларусь.
10. Мартос А. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. — Мн., 1990.
11. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. — М., 1995.
12. Канфесіі на Беларусі. – Мн., 1998.
13. Гродненская правда. – 3 августа. – 2002.